

Победа над роком

Кудрявцева, - 1997 - 1 фев - с 13
Аркадий ПЕТРОВ

В БЗК состоялась концерт Государственной академической симфонической капеллы под управлением Геннадия Рождественского. В программе, естественно, была музыка Шостаковича.

Давненько уж мы не видели и не слышали нашего прославленного маэстро, приехавшего в Москву из Парижа (на заданный на пресс-конференции вопрос: "Где вы теперь живете?" — Геннадий Николаевич ответил: "В Москве, Стокгольме и Париже"). Хотя очевидно, что больше все-таки в двух последних). Да, он исполняет на Западе русскую музыку, пропагандирует российских исполнителей (недавно гастролировал с Ростроповичем, Вадимом Репиным, Максимом Венгеровым), вскоре собирается исполнить в Голландии оперетту Шостаковича "Москва, Черемушки". Все это, конечно, замечательно, и его роль полпреда российской музыки весьма благородна. Но как раз нынешний визит Рождественского показал, как не хватает этого музыканта здесь, у нас дома. И даже не просто как великолепного оркестрового лидера — в конце концов, слава Богу, подросла плеяда молодых дирижеров, — сколько как личности, как человека, создающего вокруг себя неповторимую музыкальную атмосферу, открывающего новые композиторские имена, малоизвестные классические партитуры. Тут Геннадий Николаевич функционирует и как историк, литературовед, музыковед, знаток архивов. И вдобавок — как неподражаемый ведущий собственных программ — остроумный, находчивый, контактный. Его краткие вступительные слова перед исполняемой музыкой — блистательные новеллы в духе Булгакова или Зощенко. А сам он — шоумен калибра Жванецкого или Райкина: от его реприз аудитория ежеминутно стонет от смеха! Уже сам подбор программы для Рождественского — важнейшее дело, и тут он проявляет отменную фантазию и вкус.

Например, этот концерт. Три произведения, различающиеся по продолжительности звучания,

стилю, содержанию, "весу", — фрагменты эстрадного ревию "Условно убитый", написанного в 1931 году для утесовского "Театджаза", неоклассический Первый фортепианный концерт и трагическая Десятая симфония и как будто бы никак не "стыкующиеся". Даже порядок исполнения, думаю, здесь не всякому ясен. С чего начать? Вроде бы — с "Условно убитого", затем продолжить концертом и завершить все знаменитой Десятой симфонией... Но у Рождественского все "с точностью до наоборот": симфония, концерт, фрагменты из ревию. Его логика — от мрака — к свету, от трагедии — к легкой, непринужденной танцевальности...

Десятая симфония. (Далее цитирую вступительное слово дирижера). "...Почему именно она? 1953 год. 5 марта умер Сталин, а 17 декабря в Ленинграде в Большом зале филармонии под управлением Мравинского впервые звучит Десятая симфония Шостаковича, вторая часть которой не что иное, как музыкальный портрет Сталина. Конечно, в симфонии есть много другого. Но ее основа — эпоха сталинизма. Страх миллионов людей перед безжалостной машиной принуждения и террора. В симфонии есть и глубокая лирика — то, что забрезжило, как свет в конце туннеля... Третья часть — музыкальный автопортрет самого композитора, монограмма его имени и фамилии, переданная четырьмя нотами — D, Es, C, H, — "Д.Ш.", "Дмитрий Шостакович". Мелодия-символ, которая претерпевает ряд метаморфоз. Финал — двойствен. Тут, может быть, тот вечный вопрос, который ставил в финалах своих Четвертой и Пятой симфоний Чайковский: победа рока — или победа над роком..."

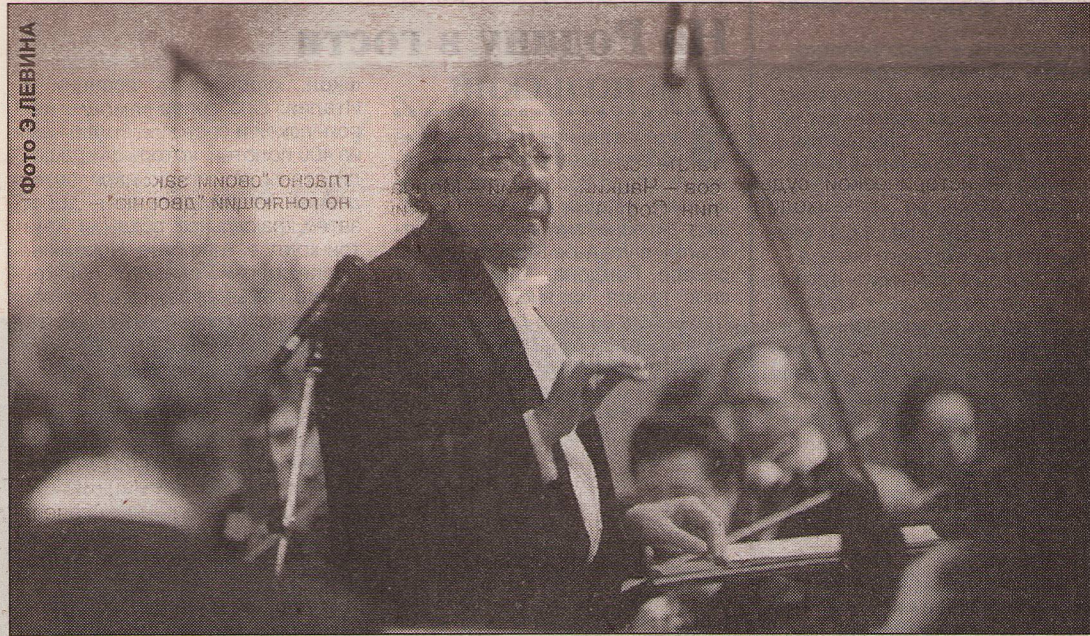
Конечно, сегодня, почти четверть века спустя, коллизии Десятой симфонии воспринимаются спокойнее, глубже, менее остро. Версия Рождественского — эпическая трагедия, воспоминания о былом. Чисто физические острота и боль переживаний сгладились, уступили место размышлениям о судьбах страны, в которой такое случилось... И в которой не дай Бог всему этому повториться — на ином витке истории, с новыми персонажами.

Теперь — Первый фортепиан-

ный концерт. Его стихия — "театральность", пародия, цитаты и квазичитаты из популярной классики в смеси с уличной музыкой и модными шлягерами 30-х. Владимир Софроницкий так выразился о музыкальной иронии Шостаковича: "Какая проникновенная эппманская пошлость! И как композитор остроумно издевается над ней!" Этот один из самых ярких, местами откровенно "хулиганских" опусов Шостаковича блестяще сыграла Виктория Постникова.

Вот мы дошли и до первого исполнения фрагментов из ревию ленинградского мюзик-холла "Условно убитый". Эта музыка, "документирующая" дружбу замечательного симфониста и популярного эстрадного артиста, любимца широких масс Леонида Утесова. Премьера состоялась осенью 1931 года, утесовским оркестром дирижировал Дунаевский, а среди персонажей представления важную роль играла дрессированная собака Альма. Шостакович написал целых 35 номеров для куплетов, танцевальных и даже цирковых номеров. По сюжету, в некоем отдаленном будущем на СССР нападают враги; бомбы падают и на Ленинград. К сожалению, мюзик-холльная фантазия оказалась пророческой: бомбы посыпались на город ровно через десять лет. Под бомбежкой погибло почти все, связанное с "Условно убитым". Сохранились лишь фортепианные эскизы клавира со скромными элементами инструментовки. По словам Рождественского, он отдал этот клавиш Джерарду Макберни, бывшему стажеру Московской консерватории и большому поклоннику Шостаковича, прекрасно стилизовавшему звучание утесовского "Театджаза" начала 30-х годов... Музыка к "Условно убитому" в 1993 году была исполнена в Англии. И вот, наконец, ее московская премьера. Легкая музыка — как ее представляли себе 65 лет тому назад. Канканы, польки, галопы, чарльстоны, вальсы. Соло скрипки, трубы, ксилофона, валторны, флексофона, рояля; комический хохот саксофона, эффектные глиссандо тромбона. Музыка мечтательная, порой даже хрупкая, нежная — и масса эпизодов веселых, темповых, комических, "чаплинских".

Фото Э. ЛЕВИНА

138